

Глава тринадцатая. Укрепляя тело, Цзя Чжу вновь обретает наставника

Поведаем о том, как после недавнего гадания на песке, когда матушка Цзя узрела начертанное духами предсказание, она преисполнилась к Цзя Чжу еще большей заботы. Старая госпожа всегда свято верила в заступничество Будды и молитвенные обряды, а уж когда в прорицании помянули недавнее падение молодого человека в воду — прежнюю сердечную рану госпожи, — она и вовсе наотрез запретила домочадцам пренебрегать волей небожителей. По всему поместью Жунго разошелся ее строгий наказ: отныне никому не дозволялось даже заикаться о женитьбе старшего внука. Матушка Цзя объявила, что ежели на то не будет явного соизволения милосердной Бодхисаттвы, всякое своеволие пойдет наперекор небесному предопределению и лишь сократит земной век юноши.

После столь грозного внушения Цзя Чжэн и госпожа Ван, прежде втайне лелеявшие надежду сосватать сына за дочь почтенного Ли Шоучжуна, не осмелились перечить старой госпоже. Замыслы о скором союзе пришлось отложить, а мысли о сватовстве — и вовсе оставить до лучших времен.

Поскольку надежды на то, что Цзя Чжу вскоре обзаведется потомством и продолжит семейное древо, временно угасли, старой предводительнице рода пришлось обратить взоры на других внуков. В покоях старшего господина, Цзя Шэ, его супруга, госпожа Ли, чахла день ото дня. В доме шептались, будто дни ее сочтены и долго она не протянет. Сам же Цзя Шэ, заручившись согласием матушки Цзя, привел в дом еще двух наложниц и с утра до вечера предавался утехам в женском обществе, отчего его законная жена лишь глубже погружалась в уныние, подтачивающее последние силы.

Что же до покоев младшего брата, Цзя Чжэна, то матушка Цзя пожаловала ему одну из своих самых смазливых служанок в качестве наперсницы — ей-то со временем и суждено было стать наложницей Чжао, о коей мы пока умолчим.

Так завершилось первое сражение Цзя Чжу за свободу от брачных уз — завершилось его полной и безоговорочной победой. Однако с той поры стоило ему вместе с Сюем явиться пред очи Шао Инлиня ради утренней беседы, как учитель то и дело лукаво прищуривался, мягко усмехаясь. Молодому человеку оставалось лишь напускать на себя простодушный вид, притворяясь, будто он ничего не замечает и знать не знает, откуда дует этот насмешливый ветер.

В минуты уединения Чжу-эр часто возвращался мыслями к тому дню, когда едва не сгинул в речной пучине. Всею виной, как он понимал, было его собственное небрежение: с тех пор как он очутился в этом мире, он почти не заботился о крепости своего тела. А ведь будь он хоть мало-мальски закален, спасение тонущего не стоило бы ему столь великих трудов!

Случившееся послужило суровым уроком. Коль скоро он и дальше позволит себе чахнуть, то ни о каких великих свершениях и государственной службе нечего будет и грезить — незавидная участь безвременно ушедшего книжника, уготованная ему на страницах романа, станет явью. Книжники былых времен в большинстве своем не отличались силой и не могли удержать в руках даже курицы, а многолетняя подготовка к государственным экзаменам выматывала без остатка. Если прибавить к этому врожденную хрупкость Чжу-эра, становилось предельно ясно, почему книжный прообраз угас, не успев справиться и двадцатилетия.

Повторять чужие ошибки он не собирался. С этого дня юноша твердо решил выкраивать время для телесных упражнений, дабы укрепить дух и мышцы, а заодно обучиться какому-нибудь искусству самообороны. Вскоре ему вспомнилось, как в одну из лунных ночей он заворуженно наблюдал за тем, как Су Цзэцзинь упражнялся с мечом. Пусть благородный Су и не умел разить врагов на расстоянии силой выдоха «ци», как то показывали в фильмах о мастерах ушу в его прежней жизни, клинок в его руках казался продолжением тела — столь безупречными и смертоносными были его движения.

«Ежели заручиться его согласием и взять пару-тройку уроков, — подумал Чжу-эр, — я, пусть и не стану великим воителем, по крайней мере смогу постоять за себя».

Замыслив дело, на следующий же день, едва прибыв на учение в поместье соляного комиссара Линя, он доверительно поведал обо всем господину Шао. Получив благословение наставника, Чжу-эр направился к уединенной келье, примыкавшей к библиотеке. Хоть он и проводил за занятиями долгие часы в соседней комнате и знал каждый ее уголок, порог этой тихой обители он переступал впервые. При свете солнца Су Цзэцзинь ревностно оберегал свои глаза от ярких лучей и до самых сумерек не выходил наружу, покидая укрытие лишь тогда, когда вечерние тени укрывали землю плотным покрывалом.

Внутреннее убранство кельи мало чем отличалось от скромной трапезной в даосском монастыре. Посреди стены висело изображение Трех Пречистых Владык, подле другой стояла простая деревянная лежанка, над которой покоился длинный обоюдоострый меч и соломенная шляпа-доули, служившая защитой от солнца во время редких дневных отлучек. У противоположной стены лежал потертый круглый пуховик для созерцания. На алтарном столике в центре комнаты, укутанные сизым дымом курильницы, высились стопки священных канонов. Единственным отличием от обычных покоев были окна: узкие, похожие на отдушины, они ютились у самого потолка, дабы внутрь проникало как можно меньше света. В полумраке комнаты господин Су сидел со скрещенными ногами, погруженный в глубокое раздумье. Заметив гостя, он бесшумно поднялся и зажег масляный светильник.

Вошедший юноша первым делом почтительно поклонился хозяину кельи, после чего скромно присел на круглую резную табуретку.

Цзэцзинь негромко спросил, что привело к нему гостя.

— Цзя Чжу пришел просить вас о милости, — ответил юноша, вежливо склонив голову. — Я уже испросил дозволения у господина Шао, и учитель благодушно предоставил это решение на вашу волю.

С этими словами он поведал о своем желании обучаться искусству владения мечом.

Су Цзэцзинь молча окинул ученика долгим, оценивающим взором с головы до ног, после чего покачал головой:

— Твое тело слишком хрупко, а кости тонки. В тебе нет врожденного дара к боевым

искусствам, и великого мастера из тебя не выйдет.

— Мои помыслы чисты, и я не ищю славы первого клинка Поднебесной, — смиренно возразил Чжу-эр. — Единственное, чего я желаю, — это укрепить здоровье и научиться защищать себя в час нужды. А сколько приемов мне суждено освоить — на то воля Небес.

Цзэцзинь на мгновение задумался, вглядываясь в решительное лицо юноши, и наконец едва заметно кивнул в знак согласия. Не теряя времени, Чжу-эр совершил положенный ритуал поклонения наставнику и собственноручно поднес ему чашу ароматного чая.

Довольный исходом беседы, новоиспеченный ученик откланялся и поспешил обратно в библиотеку. Там Сююй, сосредоточенно хмурия брови, корпел над древней поэмой в честь орхидей из тридцати рифм, а Шао Инлинь, вольготно расположившись на кане, лениво перелистывал «Книгу Перемен». Цзя Чжу вкратце передал учителю слова даоса. Какое-то время в комнате царил уютное молчание, прерываемое лишь тихим шелестом страниц: Чжу-эр тоже потянулся к столу и раскрыл свиток «Книги Песен». Вдруг наставник оторвал взгляд от гадательного трактата и негромко спросил:

— Вы ведь оба еще не наречены вторыми именами?

Переглянувшись, молодые люди разом отложили кисть и книгу.

— Все так, учитель, — почтительно отозвались они. — Мы нижайше просим вас благословить нас и выбрать нам достойные имена.

Шао Инлинь отложил «Книгу Перемен» на лакированный столик.

— По обычаю, вторые имена нарекают лишь в день совершеннолетия, при обряде надевания шлема, — проговорил он размеренно. — Однако вы оба наверняка явитесь на государственные испытания куда раньше этого срока. В том, что вы благополучно выдержите экзамены и займете достойные места в столичных приказах, у меня нет ни малейших сомнений. А на государственной службе, среди чиновников и мужей долга, без вежливого имени никак не обойтись.

— Ежели господин наставник окажет нам такую честь, — подхватил Цзя Чжу, — то лучшего дара для меня и брата Юя нельзя и пожелать.

— Вообще-то, сия обязанность покоен веков лежит на отцах и старших в роду, — с улыбкой заметил господин Шао. — Мое вмешательство может показаться излишней дерзостью.

Но Сююй тут же учтиво возразил:

— В народе справедливо говорят: «Почитай учителя своего как родного отца». Вы, сударь,

заменяли нам родителя на тернистом пути познания, а потому ваше слово для нас священо.

Господин Шао благосклонно наклонил голову.

— Что ж, будь по-вашему. Я как раз читал «Книгу Перемен», гексаграмму «Цзянь» — «Течение». Написано там следующее: «Дикий гусь медленно приближается к заоблачным высотам. Перья его пригодны для священных обрядов. Счастье». Великий толкователь Ван Фуцзы пояснял сии строки так: «Путь его чист и возвышен; бремя чинов не тяготит его разум, и ничто в подлунном мире не способно согнуть его волю или смутить помыслы. Осанка его величественна, а помыслы устремлены к горнему». Сие описание как нельзя лучше подходит к нраву нашего Чжу-эра. Пусть же твоим вторым именем, мальчик мой, станет Хуньи — Величественный Образ. Что скажешь?

Юноша замер, мысленно примеряя новое имя. «Хуньи... Хуньи...» — отозвалось в его душе приятным теплом. Почтительно склонившись перед наставником, он произнес:

— Благодарю вас, учитель, за сию великую милость.

Затем Шао Инлинь обернулся к его товарищу:

— А что до тебя, дитя мое, то в мудром трактате «Хуайнань-цзы» сказано: «Среди диковинных сокровищ Востока прекраснейшими славятся яшма, бирюза да драгоценные камни гор Ивулюй». Слово «Сюнь» исстари означает редчайший сорт чистейшего нефрита. Пусть же отныне близкие зовут тебя Сюньей — Драгоценный Нефрит.

Сюнь с достоинством совершил благодарственный поклон.

За неспешной беседой время пролетело незаметно, и вскоре дневные занятия подошли к концу. Покинув тихий дворик господина Шао, Цзя Чжу заглянул во внутренние покои усадьбы Линь, дабы вежливо засвидетельствовать почтение тетушке Цзя Минь. Лишь после этого он ступил на подножку дожидавшейся его повозки. Однако торопиться под родной кров Жунфу юноша не желал. По его приказу возница Чжэн Вэнь направил лошадей в сторону торговых кварталов, напрямик к нарядным дверям «Юйцичжай» — знаменитой на всю столицу лавки драгоценных камней. Едва экипаж замер у крыльца, расторопный приказчик со всеми услужливыми поклонами распахнул перед молодым господином тяжелые резные двери.

Обряд ученичества свершился столь поспешно, что Цзя Чжу не успел приготовить положенное по этикету подношение наставнику. Для человека вроде Су Цзэцзиня, отринувшего мирскую суету ради созерцания вечности, обычное золото или серебро показались бы лишь презренным прахом. Вспоминая скромную келью даоса, Чжу-эр тщетно пытался нащупать ниточку к его земным пристрастиям. Единственным сокровищем, достойным внимания в той обители, казался старинный обоюдоострый меч, покоившийся у изголовья. Он мало смыслил в холодном оружии, но когда его взгляд случайно упал на сталь клинка, ему показалось, будто этот меч сродни легендарному мечу «Сяолянь», сотворенному в незапамятные времена. Так это было или нет, но юноша заметил, что на рукояти оружия не было праздничного темляка. Так

созрел изящный замысел: подобрать для наставника изысканную нефритовую подвеску для меча — подношение куда более благородное, нежели мешок со звонкой монетой.

Пройдя в просторную залу, он принялся неторопливо обходить витрины, внимательно разглядывая выставленные сокровища. Увы, большинство дорогих подвесок оказались слишком крупными и массивными — для украшения легкого оружия они никак не годились. Лишь после долгих поисков его внимание привлекло истинное чудо резчиков: искусно выточенные спаренные кольца из молочно-белого нефрита. Камень светился изнутри мягким, теплым сиянием, а его бока покрывала тончайшая кружевная резьба. Благодаря этой ювелирной воздушности подвеска весила сущие крохи, и ее вполне можно было прикрепить к эфесу, не боясь нарушить равновесие клинка. Сговорившись с хозяином о цене, молодой человек без колебаний приобрел вещьцу.

Выйдя на улицу, Цзя Чжу не стал садиться в экипаж. Вместо этого он вместе со слугой Жуньби прошел около сотни шагов пешком до соседней лавки «Гуячжай». В этой обители изящных искусств продавались лучшие кисти, бумага, тушь, а также всевозможные принадлежности для игры в лютню-цин и облавные шашки. На сей раз юноше надобно было сыскать шелковые кисти для циня, о покупке коих его слезно просила старшая сестра Юаньчунь. Из всех четырех девиц дома Цзя именно Юаньчунь выказывала наибольшее пристрастие к музыке и ревностно заботилась о своем инструменте. Доверить столь тонкое дело ветреным дворовым слугам она не решалась, опасаясь, что те принесут грубую подделку, лишенную всякого благородства. Посему перед уходом на занятия сестра упросила брата лично заглянуть в лавку, чья слава гремела среди столичных ценителей. Хозяин заведения по фамилии Сян слыл человеком начитанным и почтенным. В молодости он несколько раз проваливал экзамены, после чего навсегда оставил бесплодные надежды на государственную службу и открыл лавки для благородных мужей: «Гуячжай», «Гуцзичжай» и «Мяньсянчжай». К несчастью, самого лавочника на месте не оказалось. Чжу-эр не стал тратить время на пустые разговоры со служащими, быстро выбрал искусно сплетенные кисти из нитей ледяного шелкопряда и велел завернуть покупку.

Покончив с делами, он наконец поднялся в повозку. Чжэн Вэнь и Жуньби устроились на козлах, понукая лошадей. Дорога вела домой. Откинув бамбуковую занавеску на окне, Чжу-эр лениво разглядывал пеструю уличную суету, мысленно перебирая домашние заботы, требовавшие его неотложного участия. Но стоило повозке миновать оживленные торговые ряды и повернуть к выезду, как их путь преградила огромная толпа, запрудившая едва ли не всю мостовую у перекрестка. Почуввав неладное, юноша велел придержать коней и отправил верного Жуньби разузнать, в чем дело.

Вскоре тот вернулся и доложил:

— Два брата продают себя в кабалу, дабы похоронить покойного отца, молодой господин. Видать, семья их не из простых, грамоте обучена — на земле мелом выведен складный призыв к милосердию. Пишут, предки их родом из столицы были, вот они и проделали путь в тысячу ли, надеясь сыскать затерянную родню. Да только не успели: старик занемог и преставился прямо в дороге, оставив сыновей без гроша в кармане. Теперь им даже гроб купить не на что, вот и решились на сию крайность. Зевак-то вокруг собралось немерено, а раскошелиться никто не спешит. Сколько они ни стоят, нужной монеты так и не набралось, да и покупать сирот никто не горит желанием.

Услышав о беде, Цзя Чжу покинул экипаж и сквозь просветы в толпе взглянул на сирот. Выведенные на пыльной земле иероглифы действительно отличались изяществом и ровным каллиграфическим почерком — если братья сами начертали эти строки, значит, выросли в благородном гнезде и получили достойное воспитание. Сами они стояли на коленях, низко склонив головы, так что лиц было не разглядеть. Однако юноша приметил, как старший брат то и дело слегка заслонял собой младшего, стремясь уберечь того от любопытных глаз досужих обывателей.

«Видать, верные и любящие души», — подумал Чжу-эр. Проникшись сочувствием, он отсыпал Жуньби пригоршню серебра и велел отдать беднякам на похороны отца, строго-настрого наказав при этом не брать с них никаких расписок о кабале. Пусть похоронят родителя свободными людьми.

Сам он поспешил обратно в тепло марева повозки. Жуньби быстро справился с поручением, и вскоре колеса повозки вновь застучали по брусчатке. Чжу-эр быстро позабыл об этом дорожном происшествии, еще не ведая, к каким удивительным последствиям в будущем приведет эта мимолетная щедрость. Но об этом мы поведаем позже.

<http://bllate.org/book/18221/1753325>